

ность³⁸. Трудно судить сегодня, столетия спустя, знал ли Розвейда, что мосхи — это одно из грузинских племен³⁹ и что в мосхском синнаксаре еще в IX в. фигурировало имя Иоасафа, а с XI в. он был признан „грузинским святым“⁴⁰. Таким образом, мы только повторили заключения других о национальности Иоанна Мосха, сделанные гораздо раньше нас и подтвердившие наши догадки.

Но каждый раз, когда нам, советским ученым, в большей или меньшей степени удастся вывести из мрака забвения деятелей прошлого, на Западе раздаются голоса, будто нами руководят националистические соображения. Так, например, В. Грюмель, выступая по вопросу об авторе „ареопагитских книг“, писал, что „кроме грузинского ученого г. Нуцубидзе, никто не угадал тайны“⁴¹, и пытался объяснить это националистическими мотивами, хотя было известно, что почти одновременно со мной и независимо от меня член бельгийской Академии наук Э. Хонигман пришел к тем же выводам о Петре Ивере, т. е. Грузине.

То же, к сожалению, имеет место и при обсуждении вопроса о „Варлааме и Иоасафе“. Я учитывал, что тезис о Мосхе вызовет возражения, и готов с благодарностью использовать указания специалистов.

Ш. И. Нуцубидзе

BILDERSTREIT UND ARABERSTURM IN BYZANZ

Das 8. Jahrhundert (717—813) aus der Weltchronik des Theophanes übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer. Verlag Styria, Graz—Wien—Köln 1957, 244 S. („Byzantinische Geschichtsschreiber“, herausgegeben von Univ.-Prof. Dr. E. v. Ivanka, Bd. VI)

Под редакцией известного австрийского профессора истории византийской философии и богословия Эндре Иванка (Грац) издается серия переводов на немецкий язык византийских авторов. Шестой выпуск серии посвящен хронографии Феофана. Произведение Феофана переведено не полностью, но лишь с 717 г., т. е. с прихода к власти Сирийской династии.

В предисловии редактор оценивает произведение Феофана с его интересом к церковной жизни как характерное для „духа византийского народа“. Уже этим определяется направленность издания. В этой связи следует также отметить, что в перечне сокращений (фактически, библиографии темы) совершенно не указаны исследования на русском языке.

³⁸ Rosweida. Vita Patrum. Prolegomena, p. 12. Цит. по PG, t. 87, pars III, Notitia. . . , col. 2843.

³⁹ Великий грузинский поэт Руставели был мосх (месх) по своему племенному происхождению.

⁴⁰ П. Ингорюк. История грузинской письменности. „Мнатоби“, № 10—11, 1939, стр. 246 (на груз. яз.).

⁴¹ V. Grumel. Une découverte surprenante. „La nouvelle Clio“, IV, 1952, p. 308 sq. Далее В. Грюмель писал: „Sauf un savant géorgien M. Nucubidse en 1942, personne n'avait deviné le mot de l'enigme“. Это место относится к заявлению Э. Хонигмана (согласно сообщению А. Грегуара), что „un savant géorgien Š. I. Nucubidse. . . a déjà énoncé plusieurs années avant moi, la même supposition“ (E. Honigmann. Pierre l'Iberien et les écrits du pseudo-Denys l'Aréopagite. „Mémoires de l'Académie Royale de Belgique“, t. XLVII, 1952, fasc. 3).

Введение Л. Брейер начинается с общей характеристики иконоборчества (стр. 9—11). К сожалению, автор совсем не останавливается на историографии вопроса, а ведь это было бы полезно для всякого читателя, который под углом зрения существующих разногласий по поводу сущности борьбы за иконы мог бы более вдумчиво читать хронографию Феофана — почти единственный обстоятельный источник для истории данного периода. Однако во введении говорится только о богословской стороне вопроса об иконах, так как Л. Брейер считает, что борьба вокруг икон была лишь последней стадией христологических споров V—VI вв. Причину иконоборческого движения Л. Брейер видит исключительно во влиянии идейных факторов: 1) античного платонизма, 2) ветхозаветного отвращения к изображениям, 3) влияния арабского Востока. Мы не можем, конечно, отрицать наличие внешних влияний. Арабское влияние, например, было очень сильным в разных сферах византийской культуры и государственности — и в придворном этикете, и в военном деле, и в торговле, и особенно в искусстве. Однако признание наличия таких влияний не должно отвлекать от изучения социально-политических целей борьбы, которая велась в Византии на протяжении более 100 лет. Вопрос о монастырском землевладении, который уже давно связывался в исторической литературе с иконоборческим движением, не затронут автором вовсе — ни во введении, ни в примечаниях. Присоединение монашества к иконопочитателям Л. Брейер объясняет упрощенно: иконы писались главным образом монахами и поэтому, дескать, они были материально заинтересованы в почитании населением икон. Нет никаких данных относительно того, что монахи имели монополию в этой отрасли производства, и вообще нет сведений, что мозаики, фрески, а также священные изображения на культовых сосудах изготовлялись монахами. Подобного рода примитивизм отвлекает историка от анализа социальных и политических целей вождей монашества, боровшихся за иконопочитание.

Брейер утверждает, что в период иконоборчества не только иерархи, но и весь народ принимал участие в борьбе вокруг икон. Мы, однако, сомневаемся в этом. Если иметь в виду дошедшие до нас источники, то в Византии не было и намека на бурные выступления народных масс против икон, столь характерные для периода реформации на Западе. С другой стороны, не было и каких-либо массовых выступлений народных низов в защиту иконопочитания. Если различные оппозиционные секты и были настроены против почитания икон, то это ни в коем случае нельзя считать основным мотивом их выступлений. Острая борьба в среде верхушки византийского общества, ярко проявившаяся, в частности, на соборах 754 и 787 гг., отнюдь не находила соответствующего резонанса в народных массах. Характерно, что в движении Фомы Славянина вопрос об отношении к иконам почти не играл никакой роли. Да и павликианская война ничего общего с константинопольскими иконоборцами не имела. Иконоборцы могли только частично использовать настроения масс против господствовавшей церкви, но самые тезисы иконоборчества, поскольку они оформлялись официально, не вызывали особого воодушевления в массах. В свое время постановления соборов против ариан, несториан и монофизитов встречали самое активное, нередко даже вооруженное сопротивление народных масс. Ничего подобного не было в период иконоборчества. Ариане, несториане, монофизиты, несмотря на преследования, надолго сохранили свои церковные организации, тогда как от официально оформленного собором 754 г. иконоборчества ничего не осталось после того, как оно было разгромлено правительством. Поэтому всякий

внимательный читатель Феофана, естественно, должен прийти к мысли, что богословские споры об иконах и даже самый вопрос о почитании икон не являлся основным в том движении, которое потрясло Византию в VIII—начале IX в. Мы можем, следовательно, констатировать уже на основе разбора этой небольшой части введения, что автор далек от прогрессивной историографии.

Далее во введении даются краткие сведения о жизни Феофана, причем автор использовал только те жития, которые помещены во 2-м томе издания де Боора. Из русских трудов автор ссылается только на жизнеописание Феофана, изданное архиепископом Владимирским Сергием (1892 г.), тогда как имеется научное исследование акад. В. В. Латышева при изданном им житии Феофана, составленном патр. Мефодием (Пг., 1918). Л. Брейер затрагивает вопрос об источнике Феофана — неизвестной хронике, использованной также патр. Никифором в его „Бревиарии“. Так как изложение событий у Феофана иногда расходится с соответствующими местами „Бревиария“, то Брейер обещал указывать на эти расхождения в примечаниях. Однако это обещание автором выполнено не полностью: ряд расхождений не указан. Например, к 741 г. не указано, что провозглашение Артавазда у Никифора изложено иначе; результат похода болгар в 755 г. у Никифора тоже дан по-иному; особенно существенны различия в описании похода Константина V в Болгарию (в 764 г., по Феофану). Имеются расхождения в хронологии походов, но никаких примечаний об этом нет. Во введении автор останавливается также на вопросе о значении перевода Феофана папским библиотекарем Анастасием в IX в. для понимания текста хронографии. Отношение текста Феофана к „Бревиарию“ Никифора и к переводу Анастасия подробно разобрано Константином Успенским (ВВ, III, 1950 и IV, 1951), использование труда которого в примечаниях дало бы возможность читателю подойти критически к изучению хронографии Феофана. Вопрос о достоверности сведений, даваемых Феофаном, по существу, даже не затрагивается во введении. Автор сграницивается лишь указанием на неточность Феофана в хронологии — расхождение года с индиктом для периода с 6201 по 6265 г.

Основную часть книги занимает перевод, который легко читается и достаточно точен. Но имеются и некоторые вольности. Так, например, Тервель называется *Vulgarenkhan*, тогда как в тексте у Феофана никаких титулов не приведено (стр. 33). Это может внушить неправильное представление о тексте, тем более что в указателе стоит: „*Khan, Titel des Bulgarenherrschers...*“ Не всегда передается тон повествования Феофана. Так, при переводе 443,29 опущено слово „требрачник“ (ὁ τριβραχος), употребленное Феофаном по отношению к Константину V; напомним, что в Византии третий брак считался предосудительным, и пропуск этого слова в переводе лишает фразу оттенка враждебности к Константину. При переводе 443,2 слова οἰχος κοινοῦς переданы как „als Besitz“, что меняет смысл утверждения Феофана. Ὑπάτειαν (444,7) лучше перевести как „консульскую раздачу“ (при вступлении в должность консулы разбрасывали в толпу деньги; Юстиниан отменил этот обычай, Константин же ввел его при назначении кесарями своих сыновей). Встречаются и пропуски: так, целое предложение Феофана (466,7) на стр. 127 перевода пропущено („узнав об этом, народ и в остальных фемах прогнал своих стратигов и провозгласил Константин единодержавным императором“). Пропуск этой фразы создает неверное представление о событиях 742 г. На стр. 154 фразе придан иной смысл, нежели у Феофана: император приказал принести τούτο, т. е. 100 литр золота, и из них оставил керулларию 100 номисм — „позавтра-

кай со мной, возьми 100 номисм и будь доволен“ („ими“ — αὐτοῖς — по Кедрину, II, 39,7). В переводе же у Брейера читаем: „bringe mir die 100 Goldstücke“. Хотя в передаче Брейера сведение звучит правдоподобнее, но не соответствует изложению Феофана (488,4).

К сожалению, автор не привел пагинации греческого текста по изданию де Боора — это помогло бы справочной работе и сверке при чтении. К переводу присоединены довольно обширные примечания. В основном разъясняются географические термины и названия местностей и достопримечательностей Константинополя (преимущественно по кн.: R. Janin. Constantinople byzantine, 1950). Примечания по фактическому материалу даны в основном по кн.: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 1952. Терминология византийской чиновной и придворной иерархии истолковывается по кн.: L. Bréhier. Les institutions de l'empire Byzantin. Paris, 1949. Учтены и некоторые другие труды современных западных историков, но совершенно игнорируется литература советская и стран народной демократии. Вообще примечания могут помочь читателю понять текст, но мало содействуют критическому разбору хронографии Феофана. Почти нет ссылок на параллельные места и расхождения прочих источников (в особенности агиографических).

К книге приложены карты Византийской империи (без Пелопоннеса) и Константинополя с окрестностями. Но наименования на карте не исчерпывают географической терминологии текста и примечаний. Кроме того, у Феофана названия территорий приводятся по старой номенклатуре провинций, а карта не учитывает этого и ограничивается названием фем.

Перевод хронографии Феофана, помещенный в удобном издании, разумеется, нужно приветствовать, ибо он способствует расширению круга людей, интересующихся византийской историей, в условиях, когда знакомство с древними языками повсеместно становится все более редким явлением. Желательно, однако, чтобы в будущих выпусках серии „Byzantinische Geschichtsschreiber“ уделялось больше места критическому аппарату, давалась более полная источниковедческая литература, чтобы читатель вводился в круг проблем, связанных с изучением данного источника.

М. Я. Сюзюмов

M. E. COLONNA, GLI STORICI BIZANTINI DAL IV AL XV SECOLO

I: Storici profani. — Casa editrice Armanni. Napoli, 1956, 163 p.

Книга Марии Елизаветы Колонна, по словам составительницы, является „полным и с возможной тщательностью сделанным указателем“ писателей по истории Византии (стр. IX). В предисловии профессора Витторио де Фалько — учителя составительницы, которому и посвящена ее работа, — разъясняется, что этот указатель должен служить вводным томом к новому (стереотипному) изданию Боннского корпуса, о котором объявлялось в „Byzantinische Zeitschrift“ (т. 47, 1954, стр. 283).

Работа Колонна рассчитана на два тома. В рецензируемом первом томе собраны данные об авторах „светских“ (storici profani), во втором (уже подготовленном к печати) будут представлены авторы церковные.

Материал справочника расположен в простом и удобном порядке. После полного имени византийского автора (оно дается в латинской